

Анна Шнайдер

Облачное счастье

<https://litres.ru/74204704>

Аннотация

Когда-то Таня была сильно влюблена, но человек, которого она любила, предал её. Тане казалось, что она всё забыла и пережила, нашла другого мужчину... и тут прошлое вновь появилось на пороге её дома.

В тексте содержится большое количество флешбеков, и если вас это бесит... я предупредила))))

Кидание гнилыми помидорами в героев, как обычно, поощряется автором, но переход на личности других комментирующих будет пресекаться)

Содержание

1	4
2	11
3	14
4	17
5	25
6	31
7	42
8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Таня

Счастье мимолётно. В благословенные минуты кажется, что оно бесконечно и не кончится никогда... но в следующий миг случается нечто непоправимое, и бывшее счастье растворяется в воздухе, оставив о себе на память хмурые серые облака за окном.

А ведь она думала, что больше никогда его не увидит. Думала, что человек, которого она когда-то так сильно любила и который разбил её сердце на части, ушёл навсегда. Да и разве могла она думать иначе после всего, что он совершил?

Таня вздохнула, покачав головой, и в который раз уже вспомнила утренние события...

Она проснулась от поцелуя. Нежного и удивительно чувственного поцелуя в щёку, который всё длился и длился, прогоняя сон и ночную тьму, и хотелось улыбаться — так приятно и радостно было.

Ласковые руки Егора проникли под ночную рубашку, погладили бедро, и Таня сладко потянулась, не спеша открывать глаза.

— Просыпайся, соня. Ты просила разбудить тебя без пятнадцати семь.

Точно, просила... Около семи обычно вставала Яся, вскакивая на ноги и требуя к себе внимания, и Таня всё мечтала подняться до этого момента, чтобы успеть умыться и переодеться во что-то теплее ночнушки.

И каждый раз оказывалась не в силах покинуть постель... Слишком здесь было тепло и уютно.

А теперь ещё тут был и Егор.

— Хочешь, я побуду с ней? А ты пока душ примешь.

— Нет, я сама. — Она всё-таки открыла глаза и улыбнулась взъерошенному с ночи Егору. Его каштановые волосы стояли на голове практически вертикально.

С тех пор, как он переехал к ней, прошло две недели. Таня сама настояла — она хотела, чтобы Егор был рядом днём и ночью. Он был для неё идеальным: заботливым, сильным, целеустремлённым, — и Таня не верила своему счастью. С Егором было очень спокойно — словно все грозы вдруг закончились, и судьба решила наградить Таню за всё, что она перенесла в прошлом.

— Тогда я приготовлю завтрак. Яичницу будешь? — спросил Егор, улыбаясь Тане в ответ.

— Буду, — прошептала она, прикасаясь к его губам в кратком поцелуе и внутренне сжимаясь от ощущения щеко-чущего счастья. Как же ей повезло!

Пока Егор возился на кухне, Таня покормила Ясю грудью. И как раз когда дочка наелась, он заглянул в комнату с вопросом:

— Идёте?

Завтрак проходил в привычном формате — пока кто-то один ел, второй занимался с ребёнком. Сегодня Яся была более-менее спокойной — приехавшая накануне в гости бабушка, мама Тани, подарила внучке большую пирамидку с разноцветными кольцами, и Ясе игрушка так понравилась, что она до сих пор не могла уgomониться. Переставляла кольца, стучала ими об стол и друг об друга, раскидывала в разные углы, после чего громко заявляла: «Во!», что обычно значило высшую степень восторга.

Было около восьми — Егор как раз доедал яичницу, а Таня на полу вместе с Ясей в который раз собирала пирамидку, — когда в дверь позвонили.

Егор нахмурился, поглядев на часы, что висели над дверью.

— Рановато для визитов, тем более в воскресенье. Пойду посмотрю.

Таня кивнула. На сердце почему-то сразу стало тревожно, но она не обратила внимания на это ощущение, полностью сосредоточившись на Ясе.

Она слышала, как Егор прошёл по коридору к двери, открыл её, а следом раздался его спокойный голос:

— Вам кого?

Пара мгновений тишины — и громкое:

— А Таня здесь живёт?

Она замерла, не в силах осознать, чей голос услышала. Не

может этого быть. Ей показалось...

— Здесь, — ответил Егор уже напряжённое.

— Позовите её. Мне нужно с ней поговорить.

Таня вскочила на ноги, подхватывая Ясю и забыв про тапочки, и почти побежала в коридор, задев по пути сумку с антоновкой, которую вчера привезла мама. Пакет, шелестя, завалился на бок, и из него, словно мячики, на пол посыпались крупные яблоки.

Сердце бешено стучало в груди. Таня несмело приблизилась к входной двери, чтобы убедиться — это всего лишь похожий голос, а не... не...

Но он стоял там, в дверях позади Егора, и, увидев Таню, замер так же, как и она, — не двигаясь, не улыбаясь и, кажется, даже не дыша.

Наверное, что-то такое было в их взглядах друг на друга, потому что Егор неожиданно толкнул визитёра — не сильно, но достаточно для того, чтобы он переместился на пару шагов назад.

— А ну, проваливай. Ни с кем ты говорить не будешь.

— Егор! — выдохнула Таня, но тут же замолчала — она не представляла, что хочет сказать.

— А ты по какому праву за неё решаешь? — процедил тот, о котором она почти совсем не вспоминала в последние месяцы, и вновь подошёл ближе. — Я не к тебе пришёл, а к Тане. Малыш, давай поговорим. Я...

Больше он ничего сказать не успел — отлетел в сторону,

получив мощный удар в челюсть.

— Проваливай, пока я тебя в асфальт не закатал, — произнёс Егор глухо и страшно, а после захлопнул дверь.

Таня, не в силах пошевелиться, уставилась на крышку дверного глазка, которая закачалась от сильного удара.

— Егор... зачем ты так? — спросила Таня тихо, пытаясь успокоить Ясю — дочка уже начинала рваться с рук, требуя опустить её на пол и дать поползать. — Он ведь ничего плохого не сделал, просто хотел поговорить...

— Не сделал?! — мужчина развернулся к ней, прищурился, глядя на Таню так, словно впервые увидел. — Сделать тебе ребёнка, будучи женатым, а потом кинуть — это называется «ничего не сделать»? Хотя, в принципе, ты права, он действительно них** не сделал для тебя и Яси.

— Егор! — она возмутилась, но тут же замолчала — что можно было сказать? Ведь он прав. Но...

— Что — Егор? Я должен был пустить его сюда как ни в чём не бывало? Поговорить? О чём, Тань? Об алиментах с ним можно и по телефону договориться, а больше вам нечего обсуждать.

Она молчала, пытаясь понять, зачем всё же он мог прийти, о чём хотел пообщаться? Какая-то часть Тани при этом безглаголиво морщилась и повторяла, что это неважно и Егор прав, но другая... та часть, которая, наверное, всё ещё любила этого человека, — ныла и скулила, словно побитая собака, требуя, чтобы её хозяина хотя бы выслушали. В конце

концов, у тебя ведь дочь от него, Таня! А ты...

— Неужели до сих пор любишь? — усмехнулся Егор, скрещивая руки на груди, и она машинально отметила про себя эту позу, которую её институтский преподаватель психологии называла закрытой. — Несмотря ни на что? Будешь слушать всю ту лапшу, что он собирается повесить тебе на уши, а потом простишь?

— Почему лапшу? — пробормотала она, отводя глаза. — Я ведь не знаю, что...

— То есть у тебя есть какие-то другие варианты? — фыркнул Егор. — После того как он тебя бросил и два года не вспоминал о твоём существовании?

— У меня нет никаких других вариантов! — огрызнулась она, сердито посмотрев на Егора. — Я просто считаю, что людей сначала надо выслушивать, а уж потом, по мере необходимости, бить!

— Так то — людей! — криво усмехнулся Егор. — А это... Впрочем, ладно. Хочешь его слушать — слушай. А я, пожалуй, пойду.

— Куда?..

— Домой к себе, куда ещё. Я и так собирался, а тут уж и сам бог велел. Пойду одеваться. А ты... не стой на холодном полу, Тань. Простудишься же.

Егор пошёл в комнату. Она хотела остановить его, но не знала, что для этого нужно сказать, поэтому вернулась на кухню. Посадила Ясю на коврик и, не отрывая взгляда от до-

чери, которая тут же вновь занялась пирамидкой, прислонилась спиной к столешнице. Квартира погрузилась в угрюмую тишину, и даже Яся, играя, почти не издавала звуков.

Через полчаса Егор ушёл, негромко закрыв за собой дверь и даже не поцеловав её на прощание.

И как только он вышел из квартиры, Яся вдруг разразилась громким недовольным плачем.

На самом деле Ясю звали Василисой.

Таня назвала так дочку в память о деде. Милое и домашнее прозвище «Яся» придумала мама Тани, когда их только выписали из роддома.

Впрочем, отца девочки тоже звали Василием. Рождённый в конце апреля, он был щедро одарён весной — ясные, как небо, глаза, волосы цвета спелой пшеницы и солнечная улыбка, сводившая с ума многих девчонок. Он казался человеком без недостатков — по крайней мере, внешних. Высокий, широкоплечий, с мужественными, но не грубыми руками — Таня так любила, когда они нежно касались её шеи и плеч. Когда он обнимал её, то словно превращался в облако. Тёплое и уютное облако, сквозь которое ничто не могло пробиться, чтобы ранить.

Беда, как оказалось, подстерегала внутри этих объятий.

Таня, переместив Ясю в комнату и перебравшись туда сама, посадила дочку в манеж и включила компьютер. Пару часов надо было поработать, а потом уже — на прогулку. Накануне Таня надеялась, что, пока она будет разбираться с заказами, с Ясей погуляет Егор, но он ушёл, и помочь Тане было некому.

Впрочем, она привыкла. Последние две недели жила как

у Христа за пазухой, расслабилась, а до этого...

Таня работала до самых родов. Она прекрасно помнила, как в день накануне рождения Яси втискивалась в плотно набитую электричку — шла тридцать восьмая неделя беременности, но у Тани и в мыслях не было, что ребёнок захочет появиться на свет чуть раньше, чем запланировано. А так как кормить себя и новорождённую предстояло одной только Тане, она продолжала отважно ездить в офис, хотя и врач из женской консультации, и коллеги, и все подруги в один голос убеждали её не дурить и взять хотя бы больничный.

На календаре тогда было 15-е декабря, и на улице шёл сильный снегопад. Поезда задерживались и приходили на станцию Нахабино уже переполненные. Таня зябла на платформе, несмотря на объёмный и тёплый красный пуховик, и нетерпеливо смотрела на вокзальные часы. Стоять было тяжело, сильно болела поясница.

Наконец прибыла электричка, и огромная толпа хлынула к дверям. Таня закрывала руками живот и старалась держаться подальше от людей. Она забралась в вагон одной из последних. Думала попросить пропустить её к сидячим местам — но, осознав, как плотно стоят там люди, поняла, что пролезать через них будет ещё хуже, чем находиться в тамбуре. Так и простояла в давке до своей станции.

С трудом вылезла на платформу, но в метро спуститься не успела — по дороге почувствовала резкую боль внизу живота и, кое-как добравшись до ближайшей лавочки, вызвала

скорую.

— Потерпи, золотая моя... — шептала Таня, поглаживая живот в ожидании врачей. — До роддома... потерпи...

Она знала, что будет девочка.

Спустя 13 часов — 16-го декабря в 00.15 — родилась Яся. Ребёнок оказался немаленьким — 53 сантиметра и 3400 грамм.

Когда ей показали новорождённую дочурку с синеватым сморщенным личиком, заплывшими глазками и сплюснутым носом, Таня, счастливо, но устало улыбнувшись, сказала:

— Очень похожа на моего дедушку.

Акушерка рассмеялась.

— И как звать деда?

— Василием Михайловичем звали.

— Значит, быть ей Василисой! — ещё звонче засмеялась женщина.

В роддоме, убаюкивая дочку, Таня называла её Васильком, но прозвище так и не прижилось, сменившись на Ясю. Наверное, это и хорошо, ведь Васильком Таня когда-то называла отца девочки. Не только из-за имени — ещё и за глаза.

И дочурка, чуть размыкая опухшие веки, тоже смотрела на мир глазами ярко-синего цвета.

3

Компьютер, пока Таня вспоминала собственные роды, включился, и она загрузила почту, стараясь не обращать внимания на тревогу из-за ухода Егора и на какой-то мерзкий привкус во рту — словно съела на завтрак что-то не то. Впрочем, Таня уже и не помнила, что она ела на завтрак, да и неважно это было, завтрак ведь ни при чём — эта гадость царила у неё в душе. Вот только нельзя позволять себе раскиснуть, нельзя! Нужно держаться. А держаться Тане всегда помогала работа.

Сначала необходимо было разобраться с письмами. Накануне прислали заказ на большую партию холодильников для крупного магазина — надо было найти образец договора.

Но он никак не находился, и Таня злилась — потому что о работе по-прежнему плохо думалось, да и рука тянулась к старой папке с грубой надписью «Хлам», куда она когда-то свалила все письма Васи.

Устав бороться с собой, девушка всё-таки кликнула мышкой по иконке.

Темой последнего письма — кстати, непрочитанного — служил популярный символ, обозначающий сердце (треугольная скобка, открытая вправо, и цифра три). Василий всегда так помечал свои письма.

Настоящее сердце непроизвольно застучало.

Письмо было отправлено 16-го ноября прошлого года — надо же, какое совпадение, ровно год прошёл. Беременная Ясей, Таня тогда отправила послание в папку с «хламом», даже не открыв.

Теперь же пальцы выбивали нервный ритм, едва касаясь тачпада на ноутбуке. Быть может, это письмо прольёт свет на то, зачем сегодня приходил Василий?

16-е ноября прошлого года... Таня была на восьмом месяце беременности, и столько же времени они с отцом Яси не виделись. Зачем он приехал сегодня? Зачем написал тогда?

Она, сжав зубы, решительно нажала на иконку письма.

Внутри была фотография и пара строк. Фотография загружалась долго — что с интернетом, в конце концов?! — и чем дольше она загружалась, тем быстрее стучало у Тани в висках.

Наконец изображение появилось на экране, и Таню захлестнула волна воспоминаний.

На фоне мутной Москвы-реки — лежащие на парапете набережной руки, связанные на запястьях красной лентой. Влюблённые руки. На её маленькой побеждённой ладони сверху покоилась его большая рука победителя, пальцы были крепко переплетены, и в то же время расслаблены. Можно было даже разглядеть мурашки на коже, но Таня не могла отвести взгляда от двух до боли знакомых родинок на указательном пальце, которые она так любила целовать.

На глазах выступили слёзы, рука болезненно заныла, слов-

но отвечая на воспоминание о сладостных прикосновениях каждой своей клеточкой.

Этот снимок был сделан в день их знакомства почти четыре года назад, в цветущем мае.

Под фотографией была подпись.

«Наткнулся недавно. Ты знаешь... мысли о тебе сладко-сладко больные».

Это решительно ничего не объясняло — ни что было тогда, ни что происходило сейчас, — и Таня, устав переживать, захлопнула крышку ноутбука.

Чёрт с ней, с работой!

— Яся, детка! Мы идём гулять!

— Во-о-о! — восторженно закричала дочка, хлопая в ладоши.

На улице была типичная погода для середины ноября, когда листьев на деревьях уже нет, но и снега нет тоже. От унылого серого неба зануло сердце, и только глядя на Ясю, радостно топающую по тротуару в розовом комбинезоне с мишкой на переднем кармашке, Тане становилось чуть легче.

Когда она смотрела на дочку, всё почему-то теряло значение...

Воздух постепенно становился холоднее, и Таня зябко поводила плечами — надо было надеть шарф потеплее. Она обеспокоенно изучала Ясю, но девочка не подавала никаких признаков замерзания, даже наоборот — была бодрой и весёлой.

Неожиданно пошёл снег, и Таня вспомнила — накануне действительно предупреждали, что сегодня будет небольшой снегопад, но уже к вечеру всё растает.

Первый снег в этом году... И в Ясиной жизни, считай, тоже, ведь снега, который лежал на улице той зимой, малышка уже не помнила.

Яся остановилась посреди тротуара, задрала голову и, открыв рот, посмотрела на небо. Потом высунула язык, явно пытаясь поймать снежинку и чуть покачиваясь на пока ещё неустойчивых ножках. Таня предусмотрительно придержи-

вала дочку за капюшончик и улыбалась её искренней реакции на снег.

— Во-о-о! — сказала Яся, обращаясь к ней и указывая на небо, и неожиданно чётко и внятно произнесла: — Ма-ма!

Таня умилилась. До этого у Яси получалось скорее «амя», а тут...

— Таня... — послышалось сзади негромкое, и она вздрогнула. Сердце вновь забилося — конечно, оно ведь не могло не узнать этот голос.

Она медленно обернулась, понимая, что сейчас рядом нет Егора и, если что-то случится, он не сможет её защитить.

Что может случиться? Зная Василия — что угодно. Когда-то давно Таня доверяла ему, но не теперь.

Он изменился, она не могла этого не признать, хотя прошло не так уж и много времени — чуть меньше двух лет. Но сейчас Вася казался повзрослевшим, каким-то более серьёзным, и в его голубых глазах Таня впервые видела что-то похожее на страх.

Да, Василий по-прежнему был красивым, высоким и мужественным, но всё же — от того зверя, пахнущего хмелем, который приезжал к ней в последний раз, сейчас не осталось и следа.

Яся пока стояла спокойно — её слишком занимал снег, — но Таня знала, что это ненадолго.

— Я... могу поговорить с тобой? — спросил Василий не очень уверенно, совсем не похоже на себя.

Сначала Таня хотела ответить «да», но... перед глазами яркой вспышкой возникло лицо Егора, в груди что-то сжалось, закололо, будто иголками, и она ответила пустым и холодным голосом:

— Зачем?

Мужчина помялся, глядя на Таню, как ей показалось, с мольбой.

Откуда он узнал её адрес? Впрочем, это не так важно как ответ на вопрос, который она уже задала.

— Я бы хотел попросить прощения.

Таня почему-то не удивилась — подсознательно ждала именно этих слов. Впрочем, ждала ли? Она просто думала, что Вася скажет именно их.

— Ты смотрел фильм «Москва слезам не верит»?

А вот Василий подобной фразы точно не ждал — лицо его удивлённо вытянулось.

— Да, но... это было давно, и я мало что помню.

Ясе наконец надоело стоять на одном месте, и она вновь решительно зашагала вперёд, не обращая внимания на незнакомого дядю — всё её существо сейчас занимал снег. Таня пристроилась следом за ней, продолжая осторожно придерживать дочку за капюшон, и, покосившись на Василия, который шёл следом, сказала:

— Это мой любимый фильм. Там героиня после долгой разлуки встречается с мужчиной, который причинил ей много боли, и говорит ему: «Сначала я тебя сильно любила. По-

том ненавидела. А теперь я счастлива, что обожглась, потому что не стала бы тем человеком, каким стала».

Несколько мгновений Василий молчал, словно пытался понять, о чём говорит Таня. Она невольно усмехнулась — раньше он никогда не вдумывался в то, что она говорила. Она была для него лишь щебечущей птичкой — да, поёт, да, красиво, но кому придёт в голову пытаться расслышать слова в птичьем пении?

— Значит, ты счастлива?

Счастлива ли она? Теперь Таня хорошо понимала, что счастье — это непросто. Над ним надо работать. И она работала — каждый день, каждый час, каждую секунду. Вот только объяснять это всё Василию... бессмысленно.

— Да.

— Ты замужем?

Странно, что он задал этот вопрос только сейчас.

— Нет, — соврать она и не подумала. Зря, наверное, стоило бы сказать «да»... Но Таня всегда не любила врать. Да и в их отношениях с Василием было слишком много лжи — ни к чему добавлять ещё одну.

— Нет? — повторил он удивлённо. — А, я понял, сейчас это модно даже... Жить вместе, заводить детей, но не расписываться.

Она хмыкнула. Вот, теперь Вася вновь стал похож на себя прежнего.

Слова «это твой ребёнок» вертелись на языке, но Таня по-

ка молчала. Нет, ни к чему ему это знать, только запутывать всё ещё больше. Да и... не заслужил он этого знания.

— А... как её зовут?

— Яся, — ответила Таня машинально, но тут же исправилась: — Василиса.

Молчаливое мгновение — и изумлённое:

— Ка-ак?!

В этот момент Ясе надоело просто топтать по тротуару, да и снег, видимо, уже слегка приелся, потому что дочка, указав ладошкой на детскую площадку, громко возвестила:

— Амя! — Ну вот, опять не «мама», а «амя». — Ать!

«Ать» — это было новое Ясино слово. На прошлой неделе Таня сломала себе всю голову, пытаясь понять, что такое «ать», пока дочка, не дождавшись от матери никаких действий, сама не побежала к качелям.

Таня свернула к детской площадке, чуть удерживая Ясю, которая готова была нестись туда чуть ли не галопом, и ответила, не глядя на собеседника:

— Да, Василиса. Если ты забыл — а ты наверняка забыл, — Василием звали моего деда.

— А-а-а... Точно. Значит, в честь деда.

— Верно.

Таня ни капли не соврала — называя Ясю, она действительно делала это только ради деда. Ну и... красивое же имя.

Таня стряхнула снег с сиденья, усадила Ясю, чуть толкнула — качели закачались, и в этот момент дочка увидела

незнакомому мужчину рядом с мамой. Нахмурила светлые бровки, изучая его, и Таня похолодела — в этот момент Яся показала ей ужасно похожей на Василия. Кажется, это не увидит только полный идиот.

— Какая голубоглазая, — сказал Вася, улыбаясь. — Не в тебя. Привет, малышка.

Яся нахмурилась сильнее. Незнакомых мужчин она не очень любила. Ещё и поэтому Таня так удивлялась тому, что дочка быстро привыкла к Егору.

Егор. Где он сейчас?..

— Да, не в меня.

— Интересно... И папа у неё не голубоглазый вроде. В кого же она такой василёк?

Таня молчала. Ответить, кроме вранья, ей было нечего.

— А... Таня... а сколько ей... лет?

«Лет». Ох, мужчины. Ребёнок ещё нормально не ходит — а он уже «лет».

— Мало. Через месяц, 16-го декабря, будет год.

Василий молчал, и Таня украдкой на него посмотрела.

Он хмурился, глядя на Ясю, и из-за этого сейчас был ещё сильнее на неё похож. Точнее, она — на него.

Кажется, он пытался что-то высчитать, но получалось так себе. В математике Василий всегда был не силён, а уж в этой «беременной» математике — особенно.

— А-а-а...

Таня поняла, о чём он хочет спросить, поэтому выпалила:

— Ты закончил? Нам скоро домой, кушать и спать. Насчёт попросить прощения я поняла, прощаю и не сержусь, забыли. Можешь идти, если это всё.

Но Василий не дал сбить себя с толку.

Сделав шаг, он приблизился к Тане — она даже ощутила его запах. Казалось, он сейчас коснётся её руки — и ей, как ни странно, этого вдруг захотелось.

— Это мой ребёнок. — Не спросил, а подтвердил Василий. — Так ведь, Тань?

Внутри неё всё клокотало и стучало. Несмотря на холод, она чувствовала, как пылают щёки.

Надо было сразу прогнать его, как сделал Егор. И не думать, не вспоминать, и не сочинять лихорадочно сейчас ответ на этот вопрос...

Яркое солнце, с которым у Тани раньше ассоциировался Василий, ворвалось в её уютный, но пасмурный мир и устроило пожар, превратив его в пепелище за несколько минут.

— Твой, — сказала она глухо и, подхватив Ясю на руки, пошла по направлению к подъезду. Дочка недовольно завопила — она ещё не накачалась, куда?! — но Тане срочно нужно было попасть домой. Закрыть дверь и запереть её на все засовы.

— Таня! — Василий бежал следом, но не касался её, не хватал за руки — наверное, боялся, Таня ведь несла ребёнка. — Пожалуйста, стой!

Она молчала, не решаясь что-то говорить, чтобы не дать

слабину, не остаться здесь, желая послушать, что ещё он может сказать.

«Навешать — лапшу на уши», — раздался в её голове голос Егора, и это придало Тане сил.

— Уходи, — выпалила она уже возле подъезда. — И никогда не возвращайся к нам.

Таня боялась, что Вася пойдёт за ней и в дом, но он вдруг остановился и пропустил её вперед.

И когда она уже почти вошла в подъезд, негромко сказал: — Я ещё вернусь, Таня.

В квартире Яся успокоилась сразу, как только поняла — сейчас её будут кормить. Уселась на свой стульчик и нетерпеливо застучала деревянной ложкой по столу — давай, мама, кашу.

Таня варила эту самую кашу, украдкой вытирая мокрые глаза. Жестокая обида и злость, которые она когда-то с таким трудом заставила затихнуть на самом дне своей души, поднялись в ней сейчас в одно мгновение. Но вместе с ними воскресло и воспоминание о счастливых днях — всё же они были, были у них с Василием! Сладкая боль заполнила её до краёв — и это было хуже всего, потому что мыслить здраво не получалось.

«Я ещё вернусь, Таня», — сказал Вася пять минут назад, и она не понимала, какого чувства в ней теперь больше — страха или ожидания?..

Таня. Прошлое

Три года назад, когда Таня и Вася познакомились, она училась на четвёртом курсе московского технического института, а Василий год как закончил медицинский институт в Петербурге. Вася однажды наткнулся на её фотографию в социальной сети, увидев Таню в списке друзей у одной общей знакомой. И написал личное сообщение.

«Что может быть зеленее ваших глаз? Я хотел бы утонуть в них, как тонут в высокой луговой траве. Их взгляд так же мягок. А волосы — рыжие, словно летний закат, — укроют меня, и больше в этом мире мне ничего не будет нужно...»

Да, Василий всегда превосходно умел складывать слова в предложения, от которых дыхание перехватывало. Собственно, он и хотел стать не врачом, а писателем или журналистом, но родители, потомственные врачи, эту инициативу не поддержали — и Василий, зависящий от них и особенно от их денег целиком и полностью, покорился и пошёл в мед. Но любовь к сочинительству у него так и не прошла.

Таня не любила знакомиться по интернету — она считала это бессмысленным занятием. Переписка — это одно, а реальная жизнь — совсем другое, и можно сколько угодно переписываться, а потом не понравиться друг другу при встрече.

че. Сколько её подруг вот так разочаровались — не счесть!

Кроме того, они с Васей жили в разных городах, и от этого подобное знакомство казалось ещё бессмысленнее. Она не собиралась начинать общение, отмалчиваясь, но он писал снова и снова, и через некоторое время Таня не выдержала. Ей просто стало интересно: действительно ли он такой романтик или придуривается?

Да... Раньше, до их безобразного разрыва, Таня думала — действительно.

«Смогу ли я когда-нибудь погреться в том свете, что исходит из ваших глаз? Я не хочу терять надежды, но вы молчите... Неужели мои слова вас обижают? Я просто никогда в жизни не видел такой упоительной красоты... Хотел бы я стать ветром, чтобы невидимым и неслышимым покружить вокруг вас, если моя телесная оболочка так вам не мила...»

Именно в этот момент Таня не выдержала.

«Милый друг...» — начала она, думая выдержать тот же стиль общения в ответе, но поняла, что не выйдет, и удалила.

«Василий. Не кажется ли вам, что это чересчур?»

«Печатает» — замигало внизу экрана, и Танино сердце предательски замерло в ожидании.

«Вы ответили! Я самый счастливый человек на этой планете. Нет, конечно, мне не кажется. Такой прекрасной девушке, как вы, и этого мало! Но, если вас смущают мои слова, давайте просто пообщаемся. И вы увидите, что я вовсе не такой дурак, каким вам сейчас наверняка кажусь».

Сообщение заканчивалось подмигивающим смайликом, и Таня, глядя на него несколько секунд, в конце концов решилась.

Завязалась переписка — обо всём и ни о чём. Таня рассказывала про свою учёбу, подруг, любимые книги и фильмы и удивлялась тому, насколько собеседник её понимает. Не было ни одной любимой ею книги, которую бы не читал Вася и которая не нравилась бы ему точно так же, как Тане. С фильмами дело обстояло чуть хуже, но всё равно — он с интересом слушал её и даже несколько раз смотрел то, что она советовала. Тане было приятно. И каждый раз, когда она видела новое сообщение в социальной сети или на почте, внизу живота появлялось странное сладко-ноющее ощущение...

Василий, как Тане тогда казалось, относился к ней с большой душевной теплотой и трепетом. «Был бы я рядом — на руках бы носил», — сказал он однажды, и Таня смутилась. В то время — спустя два или три месяца после начала их переписки — она уже очень хотела, чтобы Вася был рядом. На руках можно и не носить — хотя бы рядом...

Но расстояние между Москвой и Питером не самое маленькое, да и учёба не давала им расслабиться. Несколько раз Василий ненавязчиво заводил разговор о встрече, Таня отшучивалась, и на этом всё заканчивалось. Но перед майскими праздниками он вдруг заявил, что приедет. К ней. На все праздники!

Таня жила в общежитии, в одной комнате с сокурсницей.

На каникулах она всегда навещала родных. Майские праздники тоже посвящала семье... но не в этот раз.

Мама, узнав, что дочь не приедет, немного взволновалась, но Таня успокоила её — ничего страшного, просто курсовую работу никак не может закончить, а сдать надо сразу после майских, вот и просидит за компьютером все выходные. Врать нехорошо, но, если бы Таня сказала, что к ней приезжает незнакомый молодой человек из Питера — а Таниной маме Вася однозначно был незнаком, — мама бы с ума сошла. И примчалась бы сама — убедиться, что дочери ничего не угрожает.

Василий приехал первого мая. Таня встретила его на вокзале — и поняла, что окончательно пропала, увидев его солнечную улыбку и глаза цвета самого ясного в мире неба. Когда Таня смотрела в них, она забывала, где находится.

Василий шагнул вперёд, взял её за руку и, скользнув ласковым взглядом по Таниным тёмно-рыжим волосам, прошептал, наклонившись к её уху:

— Тебя солнце отметило...

Сердце рвалось из груди от волнения, и Таня не знала, что ответить. Да и не умела она так говорить, как Василий. Ни писать, ни говорить. Она умела только чувствовать.

Они молча спустились в метро, улыбаясь друг другу как два безумца. Вася не переставал держать Таню за руку и выглядел при этом таким счастливым, словно достал звезду с неба.

Они вышли из метро в центре города и, по-прежнему не размыкая рук, зашагали по улицам. Погода в тот день была чудесной — светило яркое солнце и не было ни облачка на нежно-голубом небе, и даже люди словно все до единого улыбались, замечая их счастливые лица.

Таня никогда не испытывала ничего подобного. Ей казалось, что их души теперь связаны навек. И связь эту ничем не разорвать...

Удивительно — но Василий словно прочитал её мысли.

— Знаешь, по-моему, я искал тебя всю жизнь. Жил и думал — чего-то не хватает. А не хватало тебя. — Он заглянул Тане в глаза и, улыбаясь, продолжил: — Ты — моё сердце и моя душа. Мы теперь навсегда связаны друг с другом.

Таня замирала, слушая всё это, и если бы люди умели летать, она бы в тот момент обязательно взлетела. И закружилась в воздухе от счастья и восторженной первой любви.

Потом Вася делал тот снимок со связанными лентой руками — и сразу после того, как они с Таней насмотрелись на результат, он впервые поцеловал её.

Она целовалась и раньше... но всё было не так. Этот поцелуй словно поставил на ней печать — печать принадлежности именно Василию. Ему Таня отдала и сердце, и душу.

Кто же знал, что пройдёт совсем немного времени — и окажется, что Васе не нужны ни её сердце, ни душа. Несмотря на все его слова. И Таня, словно Русалочка, превратится в морскую пену...

А затем воскреснет. Не ради себя — ради Яси.

Таня. Настоящее

Наевшись, Яся стала клевать носом. Дочка ещё мужественно боролась со сном, как и всегда — ей больше хотелось бодрствовать и играть, чем спать, — но сон побеждал. И Таня, переодев малышку, отнесла её в кроватку.

Теперь хорошо бы всё-таки поработать, но... в конце концов, она не сверхчеловек, не чудо-женщина, чтобы работать в настолько стрессовой ситуации.

Воспоминания накатывали, как вода на берег во время прибоя, и спрятаться от них не было никакой возможности. Да и... может, и не нужно прятаться?

Пока Таня носила Ясю под сердцем, она старалась не думать ни о чём плохом. Василий относился для неё к понятию «плохое», и Таня не думала о нём. О чём угодно другом — на какие деньги купить коляску и какую именно, где поставить кроватку, какого цвета пинетки вязать, — только не об отце ребёнка. Эта тема была под запретом.

Потом же, после рождения Яси, Тане вообще некогда было думать — кормление, работа, снова кормление, попытки урвать хотя бы немного сна, и так по кругу. Она, как и многие другие женщины после появления в их жизни ребёнка, чувствовала себя вечным зомби.

И, возможно, так действительно будет лучше — вспомнить сейчас всё, что было между ней и Василием. Только вот... с какой целью?

Это было единственным, что Таня пока не могла понять.

Таня. Прошлое

Таня всегда считала, что любовь связана с причинением страданий. Она видела, как отец любил маму, но при этом ничего не мог поделаться со своей пагубной привычкой. Его пьянство оказало большое влияние на Таню в её подростковый период. Растущему цветку нужны свет и благополучие, но дома существовали только ругань и боль. В итоге красавица выросла, но так и не поняла, что она красавица, которую могут любить.

Несколько раз в институте Таня ходила на свидания, но ничем интересным они не заканчивались. Ей дарили букеты роз, которые она не могла ухватить двумя руками. Снимали столик в кафе на крыше высотного здания. Был даже парень, который сразу признался, что давно её любит и готов жениться. Но ни к кому Таня не чувствовала того, о чём щебетали её подруги. Сладко-ноющие ощущения внизу живота, как говорила сокурсница. Таня ценила все старания, но твёрдо говорила:

— Нет, я не готова к серьёзным отношениям.

Конечно, парни обижались, ведь у многих были совсем другие планы. Однако миниатюрную, но очень упёртую куколку никто так и не смог добиться. За розы и свидания на крыше Таня в постель не ложилась, а ради большего мало кто хотел убиваться.

А потом в её жизни появился Василий с его невероятно синими глазами и трепетными сообщениями, которые он писал каждый день, пока Таня не ответила.

На тех майских Василий остановился у знакомых — правда, он у них почти не жил, проводя почти всё время с Таней. И какое это было время!

Медовые девять дней.

Ей так нравилось запускать пальцы в его мягкие пшеничные волосы... И запах Василия почти пьянил, а уж его прикосновения к её плечам и то, как он нежно целовал едва заметные на щеках веснушки, о существовании которых Таня раньше даже не подозревала, — всё это и вовсе сводило с ума.

Дней через пять на очередной из замечательных и очень душевных прогулок по парку Вася вдруг спросил, заглядывая Тане в глаза:

— Если я сниму квартиру на ночь... ты пойдёшь?

Она замерла от неожиданности и неловкости, но через пару секунд почувствовала, как внизу живота всё сжимается

от нетерпения.

— Да... — ответила тихо, и Василий улыбнулся улыбкой победителя. Впрочем, тогда Таня была совсем не против оказаться побеждённой.

В той маленькой однокомнатной квартире сильно воняло дихлофосом и чем-то напоминающим мокрый веник, но им с Васей это было безразлично. Они были так увлечены друг другом, что ничего не замечали.

И как же это оказалось прекрасно! Таня и не думала, что можно так растворяться в другом человеке. Когда она чувствовала Васю в себе, ей казалось, что она будто бы перетекает в него, сливается с ним и телом, и душой — и да, эту связь невозможно разорвать...

Какая же она была глупая!

Через сутки он уехал, пообещав, что будет писать каждый день и приедет опять уже летом. Нет, Василий тогда не обманул — они действительно постоянно переписывались, и не каждый день, а скорее каждый час, и Таня ждала Васю с нетерпением, и дождалась — он приехал сразу после окончания её сессии. Приехал — и остался на всё лето, хотя ему это было очень неудобно — каждые две недели Василий переезжал от одних знакомых к другим, но ни разу не жаловался. Даже наоборот — сказал:

— Ради тебя я на всё готов, малыш. И потом это временно. Когда-нибудь у нас с тобой будет общая квартира... Не придётся таскаться по съёмным.

Снимали они не очень часто — не было денег на подобное. Но каждый такой раз был для обоих настоящим праздником. Сколько сладостных мгновений пережила Таня в этих незнакомых ободранных квартирах!

За пару дней до первого сентября Василий вновь уехал, и после его отъезда Таня места себе не находила — хотелось бросить всё и броситься вслед. Поменять институт, жить в Питере, рядом с Васей, каждый день держать его за руку, глядя в глаза...

Как же хорошо, что она тогда этого не сделала.

Осенью того года, перейдя на пятый курс, Таня начала подрабатывать, а заодно и снимать квартиру вместе с двумя подругами-однокурсницами, Любой и Надей. Она с нетерпением ждала приезда Васи — девчонки, хихикая, говорили, что уйдут куда-нибудь на полдня, дадут возможность им побыть одним, и душа Тани ликовала в предвкушении.

Однако Василий приехать не смог — как он тогда сказал, из-за проблем на работе. Теперь Таня понимала, что он врал ей, причём с самого начала.

Она продолжала ждать и планировать. На смену промозглой осени пришла зима — самая настоящая, морозная и снежная. Весь декабрь Таня грезила, как они с Васей будут гулять днём по красивому заснеженному парку рядом с домом, лепить снеговиков и, как дети, бросаться снежками, а вечером пить глинтвейн и любить друг друга — ведь обе её соседки уезжали на новогодние каникулы в свои родные го-

рода.

А Таня решила остаться. Ради Васи.

Вспоминать об этом было даже стыдно...

Он обещал приехать 3-го января, а до этого у Тани гостила мама. Родным Таня ничего не рассказывала о своих отношениях на расстоянии, хотя сама не понимала толком почему. Наверное, боялась, что не поймут. Особенно опасалась, что её стремление переехать в Петербург вызовет протест и сопротивление — ведь это так далеко от дома!

— Как у тебя на личном фронте, Танюш? — спрашивала мама. Она давно сетовала — мол, дочка у неё такая красивая, а с кавалерами не складывается, — но Таня только отмахивалась.

— Пока никто не полюбился, мамуль.

Людмила Васильевна была чутким человеком, поэтому давно поняла, что сердце дочери несвободно, вот только почему Таня не хочет ничего ей рассказать? Женщина тревожилась, но лезть с расспросами тоже не хотела. Главное, чтобы парень был хороший, а там уж разберёмся. Но наверняка хороший — разве могла бы её Танюша полюбить мерзавца?

Второго января мама уехала, и Таня, проводив её на поезд, сразу набрала Васю. На звонок он не ответил. Она спустилась в метро, и в тоннеле между станциями пришло сообщение: «Наберу позже, не звони сама».

Что-то больно кольнуло Таню, когда она прочитала эти строки. Василий всегда был очень приветлив и аккуратен в

общении. А тут вдруг таким холодом повеяло... Словно это писал совсем не он, а кто-то другой.

Через пару часов наконец раздался звонок.

— Привет, Василёк! — сказала Таня радостно. — Я так тебя жду! Во сколько ты приезжаешь?

На том конце провода повисло странное, тяжёлое молчание, а потом Васин голос — показавшийся Тане в тот момент незнакомым — произнёс:

— Таня... — Не «солнце» и не «малыш», как он обычно её звал. — Я... я не приеду к тебе.

Она оторопела.

— Как?.. Что случилось?

— Ничего. Просто не приеду.

Таня всё продолжала цепляться за свою мечту.

— А когда теперь? — спросила чуть охрипшим голосом.

— Никогда. Прости. Между нами... всё.

Слово «кончено» он так и не произнёс.

Ноги стали ватными, и Таня опустилась в мягкое кресло, чтобы не упасть. Зажав телефон в руках, она положила их на колени и уставилась на входную дверь. Хозяин квартиры повесил на ней деревянную табличку с фразой «И это пройдёт».

Из трубки доносилось:

— Пойми, у нас нет будущего... у меня ординатура... найдёшь лучше... буду помнить...

Васин голос был чужим и далёким — он будто доносился

с другой планеты, а не из другого города.

«Это пройдёт! Таня! Не молчи!»

Она швырнула телефон в дверь, попав в табличку, и заплакала.

Ночь Таня провела в забытии. Телефон молчаливо пролежал в прихожей у двери, на комод у кровати выдыхался открытый пузырьёк «Валокордина», а Таня, как была — в леггинсах и футболке, уснула поперёк не застеленной кровати, обнимая подушки.

Утром не хотелось открывать глаза. Голос Василия всё ещё звучал в голове. «У нас нет будущего». А было ли прошлое?

Таня вспоминала каждую встречу, каждую проведённую вместе секунду — и сомневалась в том, что Вася действительно был с ней. Точнее, он был, но был ли он искренен? Сам же говорил, что их связь неразрывна, а теперь...

И почему вот так — по телефону? Неужели не хватило смелости приехать и сказать ей это всё в глаза?..

Весь тот день Таня не выходила из квартиры. За окном пушистыми хлопьями падал снег, замирая на мгновение перед окном в её спальне, словно единственный, кому было небезразлично её состояние. Виновато молчал разбитый телефон, который Таня так и не подняла с пола. Досадливо молчали стены, так и не ставшие свидетелями их страстной любви. Обиженно молчала зима, потеряв ещё одну влюблённую пару, которая могла бы по-детски резвиться в её снежном ко-

ролевстве.

А на следующий день Таня уехала в свой родной город, осознав наконец — если проведёт в этой квартире ещё хотя бы час, то свихнётся. И через два часа уже ехала в поезде Москва — Тверь, а через четыре — нажимала на кнопку дверного звонка, который много лет назад ставил Танин отец. Рукастый всё-таки был...

— Таня?! — воскликнул брат, открывая дверь. — Как здорово, что ты приехала!

За его спиной слышалась возня — двое её племянников, двух и четырёх лет, никак не могли поделить игрушечный джип.

— Катя! Уйми этих атаманов! К нам Танюшка приехала!

Володя, в отличие от Тани, всегда навещал маму по праздникам, невзирая на собственный бизнес. Закончив строительный колледж, он устроился на крупную фирму, занимающуюся поставкой сантехнического оборудования, и через полгода уже открыл своё дело. Тогда же познакомился с будущей женой Катей, и она сразу вцепилась в позитивного и предприимчивого парня. На тот момент у неё уже был трёхлетний сын от первого брака, а через некоторое время родились ещё двое — и Володя с Катей стали многодетными родителями.

Мишка и Сашка были светлыми и голубоглазыми в маму и крепкими, улыбчивыми в папу. Восьмилетний Данила, худенький, смуглый и кареглазый серьёзный паренёк, очень

ответственно подходил к роли старшего брата. Вот и сейчас он разнял малышей и увел их в гостиную.

Таня любила племянников, но редко их видела. И в тот день она была рада шуму и суете, которые они создавали в маленькой двухкомнатной квартире. Это отвлекало её от собственного обиженного сердца.

Правда, через сутки брат с Катей и мальчишками уехали. Но и с одной только мамой Тане было приятно провести каникулы. Без слов поняв, что у дочери случилось горе, Людмила Васильевна окружила её теплом и заботой. Как в детстве, они много гуляли по центру города, вместе пекли пироги, смотрели старые комедии. Пять дней в родном доме оказались для Тани спасительным кругом. Мама предусмотрительно заваривала вечером чай с ромашкой и мятой, и они пили его и вспоминали школьных друзей Тани.

Тоска наваливалась только ночами, и тогда даже успокоительные травы не помогали. Таня до трёх ночи слушала тишину и хруст снега под ногами редких прохожих и разглядывала знакомые синие занавески, пропускающие в комнату тёплый свет электрического фонаря. Снег перестал идти с того самого дня, когда она плакала в одинокой съёмной квартире, — будто решил отдохнуть и делегировать присмотр за Таней её родным.

А после длинных выходных вернулись суетливые будни. Таня начала учиться, вышла на работу и с головой нырнула в договоры и сделки, привычным образом отвлекаясь от

грустных мыслей.

Время шло. Она удалила контакты Василия, все сообщения и фотографии. Пошла на курсы вождения, купила новый мобильник, абонемент в бассейн и начала откладывать на собственное жильё. И искренне считала, что всё закончилось, как Вася и сказал тогда по телефону.

Но... и в этом он ей соврал.

Таня. Настоящее

Яся спала, сладко причмокивая, а Таня, отчаявшись сегодня поработать, решила попробовать сварить суп.

Но, взяв в руки картофелину, она вдруг застыла, подумав — а стоит ли? Кто его будет есть в таком количестве, если Егор...

Рассуждать об этом было невыносимо, и Таня пошла за мобильным телефоном.

Егор долго не брал трубку, и она уже начала отчаиваться, когда в телефоне раздалось:

— Да, Тань.

Голос был спокойным. Но Таня не представляла, хорошо это или плохо.

— Ты... сегодня вернёшься?

— Я сейчас на объекте, показываю новым клиентам квартиру, которую мы с ребятами делаем. Потом... вернусь, если ты хочешь.

— Да, хочу, — сказала Таня тихо. — Тебе... суп сварить?

— Не надо, — голос Егора стал мягче. — Отдыхай. Купить что по дороге?

Она задумалась.

— Творога можно.

— Хорошо. — Голос ещё немного потеплел. — Люблю тебя, Тань.

Она улыбнулась. На душе полегчало.

— И я тебя.

Таня. Прошлое

Прошло три месяца с того дня, как Таня разговаривала с Васей в последний раз. Начался апрель.

В тот день она взяла на работе отпуск за свой счет, чтобы закончить дела с переездом в новое жильё. Съёмная квартира была завалена коробками и сумками. И если бы Вася приехал хотя бы на день позже, он не застал бы здесь Таню.

Она заканчивала складывать мелкие вещи, когда услышала звонок в дверь. Встала и почувствовала, как по ногам забегали противные мурашки от долгого сидения в неудобной позе. Доковыляла до прихожей, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, таким образом пытаюсь убрать неприятные ощущения. Застыв в позе фламинго, выбрав точкой опоры правую ногу, Таня открыла дверь.

— Думаешь поступать в балетное училище?

Увидев перед собой Василия, Таня от неожиданности забыла опустить левую ногу. Так и стояла на правой, вытара-

щив глаза, и смотрела на него. А Вася смотрел на неё, слегка наклонив голову, и выглядел каким-то испуганным.

— Ты?.. — Таня отмерла и крепко встала на обе ноги. — Что...

— Что я тут делаю? — Он привычным движением провёл рукой по волосам, и взгляд синих глаз стал смелее. — К тебе приехал. У меня день рождения, помнишь, малыш?

«Малыш?!» — Таню будто током ударило. И рука неосознанно поднялась, чтобы дать Василию пощёчину. Но девушка сдержалась, вместо этого схватившись за дверную ручку.

— Я не хочу тебя видеть. Придётся ехать обратно в Питер. Если у тебя нет других планов, как отметить праздник, конечно. — Она хотела притянуть дверь к себе, но сил не было. Ощущение мурашек теперь распространилось по всему телу, Таню трясло, но она старалась не подавать виду. И когда говорила, голос её был твёрдым: — У нас же нет будущего.

Вася продвинулся вперёд, положил руку поверх Таниной ладони.

— Давай поговорим.

От нежного прикосновения девушка немного обмякла, выпустила дверную ручку, и теперь они с Василием стояли на пороге, застыв в вялом рукопожатии.

— Пустишь? — Он наклонился, и Таня наконец сообразила, что от Васи сильно пахнет алкоголем.

Она высвободила руку и молча отошла в сторону. Как бы

больно он ей ни сделал три месяца назад, она всё ещё его любила и не нашла в себе сил выгнать.

Василий переступил через порог.

— Уютно у тебя здесь, — сказал он, оглядев многочисленные коробки и вынутую из шкафов одежду. — Переезжаешь, значит?

— Да, завтра уже.

— Это судьба, Танюш. Приехал бы позже, не застал бы тебя... — Василий сделал шаг к девушке. — Как ты, солнце? Я так соскучился...

Он попытался дотронуться ладонью до её щеки, но Таня решительно оттолкнула его руку, сузив зелёные глаза, которые в тот миг словно сверкали пламенем.

— Как у тебя наглости хватает?! Ты сам всё закончил, а теперь приезжаешь и ведёшь себя так, будто этого разговора не было...

— Мне смертельно не хватало тебя...

— Да брось ты! — Она попыталась сделать шаг, но Василий упёрся руками в дверь и не выпускал. Таня едва доставала до его груди макушкой, но сразу начала отважно сопротивляться, когда Василий полез ладонью под кофту её плюшевого домашнего костюма.

— Не смей! — Таня царапала кожу на его руке, пытаясь оттолкнуть, но не получалось. Василий между тем принялся грубо целовать её шею, второй ладонью обхватил затылок, тесно прижимаясь к Тане крепким и большим телом.

Он был такой тяжёлый и каменный, и так сильно сжимал её, что через несколько секунд Таня перестала сопротивляться: поняла, что бесполезно, только синяков будет больше. И покорилась его дикой ласке, признав, что у неё не хватит сил остановить всё это. Таня чувствовала себя человеком, которого сносит шквальный ветер.

Василий повалил её на картонные коробки и стал стаскивать штаны. Он был похож на зверя: глаза горели, руки были холодные, его трясло, как в ознобе. Откинув мешающую одежду в сторону, Вася раздвинул Танины ноги, навалился всей тяжестью и резко пронзил тело девушки.

Таня вскрикнула, поморщилась и стиснула зубы. Оставалось только терпеть, ощущая грубые толчки и слушая шумное сбитое дыхание. В спину неприятно врезалась примятая коробочка, и хотелось, чтобы это поскорее закончилось. А ведь когда-то он любил её совсем иначе... как нежный возлюбленный, боящийся причинить боль. А сейчас — как страшный зверь, от которого нет спасения.

Спустя несколько минут Василий откинулся на гору разбросанной одежды и, прищутив глаза, как наевшийся кот, изучал люстру, висящую в прихожей.

— Ох... — С улыбкой на лице, показавшейся Тане дьявольской, он приподнялся на локтях и повернулся к девушке лицом. — Малыш... Как же я скучал...

Она молча встала и ушла в ванную. Ей хотелось смыть с

себя всё это. Таня не узнавала человека, который находился в квартире, — словно это был не Василий, а кто-то другой с его внешностью. И это ощущение, будто её изнасиловали с её же согласия... От него было тошно, как если бы Таня наелась несвежей еды. Да, надо было кричать, сопротивляться, дать Васе пощёчину... Да, надо было. А она лежала и терпела. Дура.

Таня медленно вытиралась полотенцем, когда её обожгла внезапная мысль... Она вдруг вспомнила, что месячные были ровно две недели назад.

С гудящей головой Таня выскочила из ванной, быстро накинув халат.

Василий обнаружился на кухне.

— Вась...

— Слушай, а у тебя есть еда? А то я с поезда прям... да и сил много ушло, — перебил он её, улыбаясь, и потянулся к холодильнику.

Отчего-то Василий в тот момент был безумно противен Тане, хотя внешне в нём ничего не изменилось.

— Вася... — Она медлила, соображая, стоит ли говорить о середине цикла. Есть ли смысл?

— Что? — Молодой человек уже запихивал в рот кусок колбасы, найденный в холодильнике.

— Ничего. Сделай себе яичницу и уматывай. — Таня решила промолчать. Раньше она принимала гормональные контрацептивы, и сейчас Василий, видимо, думал, что Таня

до сих пор их пьёт... Если вообще думал.

— Да ты что, Танюх! Я отдохнуть хотел.

— Ты уже отдохнул. Уходи. А иначе я вызову хозяев квартиры и полицию.

С этими словами Таня развернулась и пошла собирать разбросанную одежду. Слез, как ни странно, не было, и она механически делала то, к чему привыкла — отвлекалась от горя.

Покончив с вещами, Таня заглянула на кухню. Василий уже доедал яичницу.

— Танюш, я и тебе сделал. Будешь?

Она покачала головой.

— Нет. Вася, уходи, прошу. Я не хочу больше тебя видеть.

— Куда же мне теперь? — Он встал из-за стола и положил тарелку в раковину. — Я к тебе приехал. Ты и сама не против оказалась.

«Как со стеной», — подумала Таня и вдруг ужасно разочлилась на собственное малодушие. Как она могла быть такой слепой! Да она же ему на фиг не нужна! Приезжает к ней, только чтобы пар спустить, за человека вообще не считает. Набросился с порога, наплевав на её переживания из-за разрыва, просто потому что захотел...

Теперь, узнав Васин звериный темперамент, Таня решила, что между их встречами у него наверняка были девушки на стороне. Ей стало ещё противнее, к горлу подкатил комок.

— Уходи, — сглотнув слюну, процедила она. Маленькая, с копной рыжих волос и со скрещенными на груди руками, она выглядела очень отважно.

Василий попытался приблизиться к ней и обнять, но Таня сделала шаг в сторону и указала на дверь.

— Нет. Говорю же, я больше не хочу тебя знать.

— Но мы же любим друг друга, Тань. А в любви легко не бывает. Я очень тосковал без тебя... мне больно было, что так вышло, поверь! Я хотел прощения просить, а ты меня выгоняешь...

— Вместо слов о прощении ты меня трахнул. Отлично. Теперь не больно? — Таня слышала себя и не узнавала этот железный голос. — Повторяю. Я позвоню куда надо, если ты сейчас же не уйдёшь.

Вася понуро побрёл к дверям, схватил валяющийся на полу рюкзак.

— Ты пожалеешь... малыш.

Дверь с глухим стуком захлопнулась.

Таня давно уже не чувствовала себя малышом.

Подождав четверть часа, она вышла на улицу. Свежий апрельский воздух остудил голову, Таня перебежала дорогу и вошла в аптеку.

Как-то раз Люба, её соседка по квартире, просила купить таблетки, которые пьют после незащищённого полового акта. И теперь Таня отчаянно пыталась вспомнить название,

стоя в очереди.

— Здравствуйте, девушка... Мне нужно средство...

«Как удалить от нас такое бедство» — вспомнила она строчку из сказки Пушкина и горько усмехнулась про себя.

— Чтобы не забеременеть после...

Дедок, проверявший сдачу чуть в стороне от прилавка, бросил на Таню укоризненный взгляд. Она не поворачивала головы, выдерживая огонь этого взгляда. Да плевать, это её личное дело!

— Так, понятно. Секунду... — Молодая девушка с красивой русой косой упорхнула за стеллажи и через полминуты вернулась с маленькой синей коробочкой.

— Спасибо, — громко сказала Таня и ушла, стрельнув в деда ответным огнём зелёных глаз.

Прошло три недели. Таня была поглощена переездом в собственную квартиру, поэтому не сразу вспомнила о том, что месячные у неё так и не начались. Сообщила только через неделю, сразу пошла в аптеку, купила тест и...

Две полоски. Таня не поверила, купила ещё пару тестов, но они тоже оказались положительными.

Таня в шоке помчалась в женскую консультацию, надеясь, что там ей скажут что-нибудь другое.

— Как же так вышло? — сокрушалась она через час, после того как гинеколог сообщила, что по состоянию матки беременность вероятнее всего.

— Ну, детонька, все мы знаем, как это выходит, — пожилая врач устало вздохнула.

— Нет, вы меня не поняли. Я приняла эту таблетку, чтобы не наступило...

— Ох, эти таблетки! Знаете, сколько на рынке сейчас подделок?

Таня была ошарашена. Как судьба круто завернула... от неё ушло одно счастье, но пришло другое.

— Ну что, вставать на учёт будем? — равнодушно спросила гинеколог, перебирая бумажки.

Ну, что ж...

— Будем.

Таня недолго думала о том, говорить ли Василию, что у него будет ребёнок. «Это не его ребёнок, а мой. Только мой», — решила она в итоге. Видеть Васю в то время вообще не хотелось. Таня переехала и надеялась, что он не сможет узнать её новый адрес. Пусть всё останется в прошлом.

С такими мыслями Таня принялась откладывать деньги на первое время после рождения малыша. Маму тревожить не стала, рассказала обо всём только в августе, когда та приехала в гости и увидела её округлившийся живот. Правда, тогда Таня ещё не всё знала про Василия...

Однажды, просматривая социальную сеть, она зашла на его страницу. Таня редко себе это позволяла, но иногда всё же ныло в груди и хотелось хоть как-то выплакаться. Она смотрела на его фото, где он беззаботно и счастливо улыбался.

ся, и слёзы текли сами собой.

В тот раз Таня стала изучать «стену» на его странице, прокручивая бегунок всё ниже и ниже... и вдруг ей на глаза попала запись от некой Анастасии Т.: «Васюка, люблю безмерно! Уже полгода вместе! И месяц женаты!!!» и куча сердечек. Таня посмотрела дату сообщения — октябрь прошлого года. Год назад... Год назад он звонил и мурлыкал свои песни в трубку. А выходит: тогда Василий уже был не один. И целых полгода... Получается, он начал встречаться с этой Анастасией даже до Тани?..

К записи была прикреплена фотография, на которой эффектная рыжеволосая девушка в коротком платье цвета морской волны с букетом цветов в руках обнимала светящегося от счастья Васю в модных джинсах и тенниске того же цвета, что и платье невесты. Эта свадебная фотография была сделана в роскошном осеннем лесу. Да, прошлогодний сентябрь был на редкость тёплым и красивым...

Значит, тогда, в то бабье лето, он женился... Поэтому и бросил Таню, да ещё так трусливо — по телефону. И не сразу, а только зимой. Чего ждал, непонятно. И почему было не сказать правду? Если бы Василий просто объяснил Тане, что встретил другую девушку и влюбился, она бы совсем иначе отнеслась к их разрыву. Переживала бы, но... Это, по крайней мере, было бы честно.

Ещё и приехал к ней в апреле. И как совести хватило?..

Таня не смогла выдержать всё это в одиночестве. В тот же

день позвонила матери и попросила приехать. И на следующее утро они вместе рыдали на кухне, и никакой чай с ромашкой не помогал.

— Бывают, Танюша, такие мерзавцы... Не мучай себя, не вспоминай. Хотя это очень трудно, но ты у меня сильная девочка.

— Ма-ма-а-а-а...

Это был единственный раз, когда Таня плакала с кем-то о своей любви. Начинался новый день, и появлялись новые способы отвлечься, новые возможности затоптать горе на самое дно своей души.

На последних месяцах Таня с увлечением взялась за обустройство детского уголка. Купила удобную кроватку, подобрала постельное бельё, роскошные бортики. Нашла красивую картину с плюшевыми медведями. Ненадолго приезжал брат с семьёй, и его жена отдала Тане множество детской одежды и всяких модных прибабасов вроде слинга и коконов. Всё это помогало не уходить в себя.

Беременность протекала благополучно. На третьем УЗИ Тане сказали, что будет девочка. Сокровище, обречённое любить какого-нибудь мужчину... так же, как когда-то любила её мама, как любила она сама. Таня была очень рада и ждала дочурку с нетерпением. Несмотря на обстоятельства, беременность её окрылила, даже работа шла успешнее.

Да, это был только её ребёнок. Её счастье, на которое она

имела полное право.

Таня. Настоящее

Егор вернулся вечером. Таня к тому времени всё-таки приготовила суп: иначе просто не получилось, слишком уж сильное чувство вины она испытывала за мысли о Васе, которые терзали её весь день. Хотелось бы оставить прошлое в прошлом, но... как это сделать, если это самое прошлое стоит на пороге и стучится в дверь кулаками?

Таня даже успела пожалеть, что рассказала Василию правду про дочку. Надо было соврать что-нибудь, в конце концов, он ведь так сильно её обидел. Таня пыталась анализировать, понять: зачем же всё-таки сказала правду? Только ли потому, что язык не повернулся солгать? От неожиданности? Или...

Нет. Сказала, потому что хотела, чтобы он знал. А вот почему хотела, Таня пока не могла понять. Неужели не вся любовь в ней умерла?..

Егор поужинал, и всё казалось бы привычным, если бы не тишина, царящая на кухне. Обычно они с Таней весело переговаривались, обсуждая прошедший день и Ясины новые проделки, но сегодня оба молчали. Если Егор и разговаривал, то только с ребёнком. Яся липла к нему, как это всегда бывало по вечерам, что-то лопотала, хватала за нос и востор-

женно заявляла: «Во!» каждый раз, когда Егор после этого смеялся и тоже хватал её за нос.

Почти семейная идиллия. Если бы не утренний визит Василия...

— Ты останешься? — спросила Таня робко, когда дочка наконец спрыгнула с колен Егора и потащила его за руку в комнату. Он кивнул, посмотрел на Таню — и вдруг светло улыбнулся, словно совсем не сердился на неё. Наверное, это всё Яся, растопила его сердце... Хорошо, что дочка не может рассказать про разговор с неизвестным дядей на улице, иначе Егор не улыбался бы так Тане. Особенно если бы узнал, что она сообщила Василию про отцовство. И это он ещё не подозревал, при каких обстоятельствах Таня забеременела...

Егор играл с Ясей больше часа, и в конце концов малышка начала клевать носом. Он и Таня вместе искупали её, а потом Таня быстро уложила дочку — уснул ребёнок минут за двадцать, для Яси это было быстро. Повисела немного на груди и засопела. Таня переложила её в кроватку и вернулась на кухню, где Егор уже мыл посуду. Остановилась на пороге и застыла, прикрывая глаза и вспоминая — нет, не Егора, а Васю.

Пока они снимали квартиры тем своим единственным совместным летом, он ни разу не мыл посуду. Приготовить ещё мог что-то, совсем элементарное, вроде той же яичницы, но мыть посуду — ни за что. А Егор вот мыл, причём спо-

койно и молча — так, словно в этом не было ничего особенного. Он и с Ясей так же общался — будто ничего особенного нет в том, чтобы часами тетёшкаться с чужим ребёнком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.